

Три с лишним года тому назад случилась у нас в Самаре непонятная, странная история. Непонятная, потому что с глубоким юридическим подтекстом, а я в юриспруденции полный ноль. Вот так обнулил меня и наставил на путь истинный доктор юридических наук и глава Общероссийского фонда инвалидов и ветеранов войны в Афганистане Андрей Геннадьевич Чепурной.

Выяснилось, что у Самарского регионального отделения этой организации плохое руководство. Плохое руководство следует заменить хорошим, а какое руководство хорошее – знает только Москва. Хорошим человеком оказался человек вполне возможно заслуженный, но мне совершенно неизвестный, П. Гаврилов, а плохое, – это хорошо известный мне Андрей Владимирович Мастерков. За хорошее руководство мне летом 2007 года следовало быстренько проголосовать, а плохое сместить и всячески осудить. Согрешил бывший сержант спецназа Мастерков, угрожал московские деньги не на афганский дом, а на погашение налоговой задолженности, которая в связи с его строительством и возникла, и ещё на что-то непонятное, но связанное с тем же самым. Поэтому на его место и следует избрать безгрешного по московским понятиям П. Гаврилова.

Вот такой случился расклад, и по телефону его нашему брату разъяснили, и пригласили быстренько и как надо проголосовать. А чтобы не оставалось неясностей, дали понять: проголосуешь правильно – сможешь полечиться в санатории «Русь», неправильно – сам дурак. Одним словом, остался я в дураках, я и огромное большинство моих товарищей. Лечимся теперь на дому, потому, что вот такие мы дураки, – неизлечимые. А всё потому, что очень уж всё это противно, как за банку тушёнки товарища продавать. А боевое братство для нас – это не только название организации. Для московских же господ оно, оказывается, существует только в кавычках, и не товарищи они для нас, а господа, и мы за это проголосуем. Нужно только предложить банку побольше.

Вот такой выбор предложили нам летом 2007 года, и мы, конечно, выбрали. Свой Афган выбрали, свою память и боевое без кавычек братство. На другой, не признанной московским правлением, конференции подавляющим большинством голосов главой Самарской региональной организации был снова избран Андрей Мастерков. Так ответила Самара на главный вопрос: почём стоит Афган? Дорого, во всей России денег не хватит, чтобы искупить хотя бы одну из пятнадцати тысяч жизней. Так что извините, товарищами не торгуем. Мёртвых помним, живых не сдаём, и, в конце концов, не жизнь свою за ближнего, а только голос свой отдаём. Только должен он быть голосом совести.

И, если попросту, без громких слов по этой совести рассуждать, то что нам, собственно, предложили? Кота в мешке. Довольно странно это звучит: голосовать за кота. Пусть простит меня П. Гаврилов, но я с ним совсем не знаком, а Андрея Владимировича Мастеркова не первый год знаю. Я знаю всё его боевое прошлое и не менее боевое настоящее. Я знаю, что в офисе его организации меня всегда ожидают люди, готовые мне помочь: отстоять мои интересы, заявить о моих правах, напомнить чиновникам их обязанности, избавить от унижительных хождений по коридорам власти, помочь с работой и дать от неё отдохнуть, отдохнуть, наконец, от всей этой инвалидной жизни.

А если сотрудникам не хватает для всего этого полномочий, то в дело вступает депутат Самарской городской думы, мой боевой товарищ Андрей Мастерков, и ему для меня и времени, и полномочий всегда хватает. Единственное, чего я о нём не знаю, это когда он находит время для себя, для поправки собственного здоровья, для решения личных проблем. Наверное, потому, что для него давно уже личными стали все наши проблемы. А что я знаю о московском правлении нашего фонда?

Знаю, что, вроде бы, такой есть. Знаю, что занимается он распределением путёвок в санаторий «Русь», а теперь ещё узнал и о том, как он их распределяет: «Голосуй, а то проиграешь!» И в этих играх участвовать не хочу. Вот и всё, и, конечно же, можно мне возразить. В глубинке, мол, живу, и многое из его работы до меня не доходит. И верно, многое до меня не доходит.

До меня не доходит, почему занимающаяся благотворительной по своей сути деятельностью организация должна за эту деятельность платить налоги? Мы что, мало заплатили? Боится государство, что разбогатеем и, упаси господи, заживём по-человечески в новом жильё?

До меня не доходит, почему раненый геморроем чиновник обеспечен пенсионом в несколько раз большим, чем изувеченный на войне солдат? Тот самый чиновник, который «нас туда не посылал», и тот самый солдат, который и был изувечен всеми его «политическими ошибками» и «авантюрами».

Мне непонятно, почему по закону мы приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны, а по известному президентскому указу нет. Потому, что та война была Великой и Отечественной, а у нас только малой? Но мне в Афгане мало не показалось, и до шестьдесят пятой годовщины своей войны я точно не доживу.

И пусть мне, наконец, объяснят, зачем был принят пресловутый сто двадцать второй закон, по которому немногие мои права были названы льготами и замещены денежной подачкой? Мне сказали, что всё, начинаем жить по законам рынка, по сто двадцать второму, стало быть, закону, и всё теперь будет измеряться деньгами. Хорошо, я согласен, давайте замерим.

Почём нынче солдатская кровь? Лично я литра два пролил. А сколько стоит год темноты, без зрения, то есть, вовсе без глаз? У меня таких скоро тридцать будет. Если судить по чиновничьему геморрою, дорого, очень дорого. Никакой экономики не хватит и этого самого рынка. И как оплатить матери погибшего сына? А если сын единственный? Это почём, это сколько? Почём нынче на рынке солдатская жизнь? Вы знаете? Я точно нет, и многое ещё, очень многое до меня не доходит.

Зато я знаю, что все эти вопросы поднимает наша Самарская организация и нисколько не боится нарушить ими покой первых лиц. Обращается ко всем инстанциям, подавая запросы, выступая с законодательными инициативами. Но до Москвы по этим инстанциям дойдут его инициативы как раз к шестьдесят пятой годовщине афганской войны, потому что до бога высоко, а до царя далеко.

А теперь о том, что должен знать лично господин А. Г. Чепурной. Мы выбрали его именно для того, чтобы наш голос был слышен, чтобы он беспокоил нашими вопросами нашу власть, и до Москвы быстрее доходило. Но, видно, какой-то особенный в нашей столице воздух. Попадёт туда из глубинки человек, пообщается с первыми лицами, надышится, и всё, начинает свою собственную вертикаль власти выстраивать. А строится эта вертикаль не на братве, а на братстве, и никакой братвой этого братства не заменить. А братство – это уважение к своим товарищам, а не стремление угодить господам. И не только в Самаре не прошла такая замена.

Точно такая же история случилась на малой, оренбургской родине господина А. Г. Чепурного. Не угодил ему руководитель оренбургской организации «Боевое братство»

В. И. Солдатов, и решил он его заменить угодным. Провёл точно такую же конференцию, предложил точно такой обмен и с тем же результатом. Малая родина господина А. Г. Чепурного не поддержала. Помешала ему такая малость, как родина, и он теперь с этой помехой тоже воюет. И никак не может понять, что никакой он не господин, а товарищ, такой же, как мы, всего лишь один из нас. И, если, в конце концов, не поймёт, останется просто один, а один в поле не воин, особенно, когда воюет с собственным войском. Но этот выбор уже за ним.

И такое складывается впечатление, что смыслом своего существования считает наш лидер не борьбу за наши интересы, а битву за финансирование санатория «Русь», и успеха он, вроде бы, добивается. Санаторий с каждым годом финансируется всё лучше и лучше, только вот отчего-то нам от этого лучше не становится, потому, что санаторий – это только двадцать один день в году, а остальные триста сорок четыре живём мы в посёлках, сёлах и городах, и стоит туда заглянуть, станет ясно, – здесь вам не санаторий. Здесь люди зачастую не в квартирах живут, а в очередях на квартиру, и вообще, не живут, а существуют, потому что жить на государственную подачку нельзя, а самим заработать нигде.

И если по чести, то ведь уже заработали – контузией, полученной на Панджшере или оставленными где-нибудь под Урус-Мартаном ногами. Вот и стой теперь на том, что осталось в этой очереди и отстаивай, как умеешь то, что вроде бы как положено, да как-то забывают всё время дать. Велика Россия, а отступить некуда – позади одна только «Русь». И почему, в конце концов, эта «Русь» только одна? А если я во Владивостоке живу, в Хабаровске, в Магадане? А если мне медицина не в среднюю полосу, а, скажем, к морю советует ехать? Оно, конечно, и сейчас возможно в порядке живой пока ещё очереди и в самый что ни на есть мёртвый сезон по принципу «на тебе, убоже, что уже никому не гоже». От всех своих щедрот предлагает нам родина море в ноябре и квартиру «сразу, как только», после дождичка, то есть, в тот самый четверг, и все это видят.

Поэтому и не торопится в армию новое пополнение. Видит «щедрость» Отечества к бывшим своим солдатам и отвечает на каждую призывную компанию точно так: «Сразу, как только, после дождичка и в четверг». А московские наши вожди этого не видят. Некогда им, Самару с Оренбургом застраивают в том смысле, что в шеренгу по полторы. Да тут ещё и Курск застраивать надо, и Брянск, и вообще, всех и каждого, а то, что из-за этого останавливается застройка реальных домов, и по-прежнему в очередях, а не в собственных квартирах живут ветераны, никого в Москве не волнует.

А всё дело, мне кажется в том, что по-разному мы смотрим на один и тот же предмет. Тут ведь нужно зреть в корень. Мы ведь общественная организация, а что в корне слова «общественная»? Это объединение людей, у которых есть что-то общее. То, что всех нас объединяет. Афган – место, где мы не то, что товарищами, братьями были. А господин Чепурной видит только слово «организация», поэтому всё меньше и меньше между нами общего, поэтому всё больше становится он похожим на господина и всё меньше на того офицера, который в нашем Афгане заслужил два ордена красной Звезды и был нам настоящим товарищем.

Андрей Грачёв,

рядовой в/ч п.п. 57756.

Самарская региональная общественная организация инвалидов войны в Афганистане просит высказать свое мнение ветеранов локальных войн и всех неравнодушных людей.